

Илья Фаликов

СТО НЕТ — ОДИН ОТВЕТ

Эпопея

Я выхожу на ялтинскую белую дорогу.

Иван Шмелёв

— Солнце мёртвых, Иван. — Окаянные дни.
Мы Иваны с тобой, мы одни.

В Средиземное море с горячих террас
опускается солнечный Грас.

В виноградную балку уходит павлин,
солнцем мёртвых палим.

Это стоя, Иван, это тут
одичавшие кони падут.

Это дети лошажьё копыто грызут,
богоносец раздет и разут.

Это воеет белуха, ещё на плаву,
положивши на камень главу.

У миндальных садов, завалив диорит,
человеческий шифер шуршит.

Это русская сказка железной метлой
выметает, Иван, нас с тобой.

Это в скалах орудует Баба-Яга
помелом, костяная нога.

Полежим под горой, — диорит в головах,
оловянное солнце в глазах.

Фаликов Илья Зиновьевич — поэт, прозаик, эссеист. По образованию филолог. Автор десяти книг лирики, четырех романов в прозе, двух сборников эссеистики и четырех книг в серии «Жизнь замечательных людей». Лауреат нескольких литературных премий. Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Москве.

Стома

Жить открыто ли, взаперти,
сложно ли, по-простому, —
в человека легко зайти.
Например, через стому.
Толстым пальцем, сухим перстом,
не помывши руки,
налегке, со своим крестом,
через дырку в брюхе.

Погулять у тебя внутри
кто угодно может.
Стон умерь и слезу утри.
Век похвально прожит.
Отгорела твоя страда
на открытых ранах.
Ходят-бродят в тебе стада
в основном незваных.

Преисполнены болтовни
и чугуннолобы,
никуда не уйдут они
из чужой утробы.
По обычаю запершись
и питаясь содой,
панегириком разрешишь
и высокой одой.

В глубь кишечника, в потроха,
в пищевой подстрочник —
пиндарического стиха
ключевой источник —
не боись, заходи, народ,
нараспах открыта
дырка в брюхе, лазурный грот,
золотые ворота.

* * *

На «нет», естественно, суда
нет, если нет как нет
тепла, когда горит звезда.
Сто нет — один ответ.
— Сто лет гореть, сто лет вещать.
Воспев житьё-бытьё,
светиться, чтобы освещать
отсутствие своё.

Арифметика

Проглядел, прохлопал, не заметил
минимум лет тридцать. Окоём
на заре невысчитанно светел.
Чайка не тоскует ни о ком.
Втрое старше Лермонтова с Рыжим,
засорил немереный эфир,
превосходством численным не движим,
склонности к цифири не явил.

Просвистел, профукал на просторе
минимум лет семьдесят. Верней,
жизнь ушла в классическое море,
где ещё полощется Эней.
Есть о ком рыдать Дидоне. В целом,
вышелкнув ненужные слова,
я ещё не жил на свете белом.
Если арифметика права.

* * *

От Лютении до Курил,
не задерживаясь нигде,
ты её по земле водил,
ты водил её по воде.
То, что спутнице показал,
в память штопаную кладёшь —
ветер в поле, базар-вокзал,
воробьиной шпаны галдёж.

Благодарно изумлена,
дальний свет над глухой тропой
засвидетельствовала она
сверх показанного тобой.
Шумных трав и воловьих жил
незахлёбывающийся звук —
факт того, что ты пел и жил,
получаешь из первых рук.

* * *

Плакали серые чайки.
Был ненамного серей,
в море влетев по случайке,
юный один соловей.

Жили темно и беспечно,
тратили годы и пыл.
Времени не было вечно.
Голос у времени был.

* * *

Видишь ли, мне оставаться с собой
не составляет труда.
Если в системе наметится сбой,
не выходить никуда.
Это для вас карантин — кандалы,
каменно-душный мешок.
Место моё — полигон похвалы
месту, источнику строк.

Стол, по которому бесполезняк
веет, качая права,
в смешанный преобразается знак
гибели и торжества.
Здесь постоянно прописан глагол.
Вещи стоят на местах.
— Ты далеко ли? — За хлебом пошёл.
Утренних выслушать птах.

Этот порядок вещей невредим,
стелется в скверах пустых
вредных привычек устойчивый дым,
переработанных в стих.
Это одна из желанных растрав
в сердце, летящем вовне,
если в России родиться, застряв
в Болдине, в карантине.

* * *

Полжизни был совой,
не слишком белой.
Оно под волчий вой —
перо — скрипело.
Ничто самим собой
быть не мешало.
Часов, само собой,
ушло немало.
Полжизни был совой.
Совы не стало.

Растаяла сова,
как сохнет речка.
Проста как дважды два
часов утечка.
И ровно в двадцать два
сгорает свечка,
а у нее внутри —
ночная птица.
И жаворонок в три
утра родится.